

УДК 94 (47).084.8 (575.2) (04)

**БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ САБОТАЖЕМ
В СФЕРЕ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

А.М. Демидов – канд. юрид. наук

There is a definition of “counterrevolution sabotage” according to the criminal law during war time. There is a description of using particular article of criminal code. There is a description of the role of state security organs in their fight with sabotage.

Преступное деяние “контрреволюционный саботаж” было определено по действовавшему в годы Великой Отечественной войны законодательству в статье 58-14 Уголовного кодекса РСФСР как сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение с целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата. Это влекло за собой наказание – лишение свободы на срок не ниже одного года с конфискацией всего или части имущества. При особо отягчающих обстоятельствах мера наказания могла быть повышена вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества. Состав преступления считался оконченным в случае установления факта сознательного неисполнения кем-либо определенных обязанностей или в случае установления факта умышленно небрежного их исполнения. Умышленно небрежным исполнением таких обязанностей считалось сознательно плохое их выполнение. В свою очередь сознательным неисполнением обязанностей следовало считать случаи прямого бездействия, т.е. уклонения от исполнения возложенных на данного человека обязанностей. Для состава преступления по ст. 58-14 наличие контрреволюционного умысла было обязательным, этим контрреволюционный саботаж отличался от преступления, предусмотренного ст. 111 УК РСФСР (бездействие власти и халатность), которое тоже заключалась в бездействии или в небрежном ли-

бо недобросовестном исполнении возложенных по службе обязанностей.

Правоприменительная практика по статье 58-14 УК РСФСР о контрреволюционном саботаже в годы Великой Отечественной войны была связана главным образом с реализацией сверхнапряженных заданий Государственного комитета обороны (ГКО), Совета народных комиссаров (СНК) СССР, отдельных наркоматов и ведомств, других органов государственной власти по материальному обеспечению Красной Армии, по восстановлению, укреплению и развитию военно-экономического потенциала СССР. В сфере государственного управления существовала практика ежедневных отчетов о производстве наиболее важных видов военной продукции¹. Органы государственной безопасности осуществляли контроль суточных графиков работы наиболее

¹ Так, секретарь Горьковского обкома ВКП (б) Родионов ежедневно получал официальные письменные доклады за подписью директора завода № 21 НКАП Агуреева и старшего военпреда Ярошенко о количестве изготовленных самолетов; о количестве самолетов, принятых военной приемкой; о количестве и марке самолетов, отправленных в ВВС РККА, а также о причинах задержек с поставкой самолетов заказчику, если это имело место. Эта информация, в свою очередь, передавалась в вышестоящие инстанции (см.: Государственный архив Нижегородской области – далее ГАНО. Ф. 2066. Оп. 7. Д. 20. Л. 1–111.).

важных заводов и предприятий, выявляли причины срыва производства и официально информировали о них ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР, руководителей наркоматов и ведомств, а также секретарей местных партийных органов¹.

При рассмотрении информационных материалов органов госбезопасности, направленных в ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР, ряд наркоматов и в местные партийные органы, обращает внимание немаловажное обстоятельство: в прямой постановке вопроса там практически нет констатации фактов не только контрреволюционных, но и иных преступлений, которые явились бы поводом составления информационных документов. Это характерно даже для самых тяжелых периодов войны. Рассмотрим, к примеру, содержание специального сообщения от 23 ноября 1942 г. «О срыве правительственного задания по выпуску самолетов ИЛ-2 заводом №1 НКАП», направленного заместителем начальника Управления НКВД по Куйбышевской области майором госбезопасности Бызовым секретарю местного обкома ВКП(б) Никитину². В начале документа констатируется, что завод № 1 ежедневно срывает график ГКО по выпуску ИЛ-2 и за первую половину ноября недодал фронту 78 самолетов.

¹ Например, о ежедневном контроле со стороны органов госбезопасности за ходом выполнения постановления ГКО о выпуске 50, 82 и 120-мм мин, 76-мм снарядов и взрывателей к ним см.: Архив ФСБ (далее – АФСБ). Ф. 3. Оп. 9. Д. 1110. Л. 295; Архив УФСБ по Челябинской области (далее АЧО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Л. 157. О характере информации органов госбезопасности по экономическим проблемам, представленной в ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР и наркоматы, см.: Архив УФСБ по Нижегородской области (далее – АНО). ф. 23. Оп. 6. Д. 48. Л. 67; Архив УФСБ по Самарской области (далее – АСО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 85, 87, 90; Там же. Д. 14. Л. 24, 36, 57; Там же. Д. 40. Л. 74–78, 83, 85; АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 134, 161; Там же. Д. 3. Л. 145; Там же. Д. 4. Л. 29, 241, 248, 317; Там же. Д. 5. Л. 9, 73, 156; Там же. Д. 6. Л. 141–154; Архив УФСБ по Свердловской области (далее – АСВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 92, 105, 165.

² См.: АСО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 74–75.

Затем идет изложение причин такого положения дел. Во-первых, неподготовленность летно-испытательной станции завода к работе в зимних условиях. Во-вторых, грубые нарушения технологической дисциплины, которые привели к массовому браку в производстве. В-третьих, недобросовестное исполнение должностных обязанностей некоторыми руководителями цехов и отделов, названными поименно с указанием фактов. В частности, в сборочном цехе в начале ноября была обнаружена поломка помпы из-за нарушения технических условий испытания водяной системы авиационного мотора. Об этом немедленно поставили в известность начальника цеха Райтнера и его помощника Киткевича, но эти должностные лица никаких мер не предприняли. В результате вышли из строя помпы еще на 20 самолетах. В-четвертых, недостаточное техническое и организационное обеспечение внедрения в серию двухместного самолета ИЛ-2 из-за неправильной, по мнению руководства Управления НКВД, позиции, которую заняло руководство завода. Эта позиция заключалась в нежелании директора завода Третьякова, главного инженера Литвинова и начальника конструкторского отдела Яценко переходить на производство ИЛ-2 с задней огневой точкой конструкции С.В. Ильюшина, считая заводской вариант, уже запущенный в производство, лучшим по конструкции.

Как представляется, дело здесь не только в качестве конструкции. Чтобы понять суть вопроса, необходимо коснуться его истории, которая заключается в следующем. Первоначально авиационный конструктор Ильюшин сконструировал штурмовик ИЛ-2 в двухместном варианте с задней огневой точкой: позади кабины летчика располагалась кабина стрелка-радиста, оборудованная пулеметной установкой для обороны от нападения истребителей противника сзади. Еще до войны самолет был запущен в серийное производство, однако вскоре заказчики военной продукции заставили конструктора переделать ИЛ-2 в одноместный, имея в виду облегчить машину, улучшить её аэродинамику и за счет этого получить увеличение скорости и высоты полета. Но первые же воздушные бои показали, что одноместный штурмовик без оборонительного пулемета

оказался слабо защищен и стал нести большие потери. Вопрос о возврате к двухместному варианту окончательно решил Сталин, подчеркнув, что конструктор оказался прав, и штурмовику вовсе не нужны большая скорость и высота полета¹. Проблема заключалась в том, чтобы перейти на выпуск двухместного ИЛ-2 без снижения общего количества производства штурмовиков на серийных заводах, так как любые изменения конструкции грозили сбоем производственного ритма.

Видимо, именно эта угроза и определяла позицию руководства авиационного завода №1. Напомним, речь идет о событиях ноября 1942 г.: началось мощное контрнаступление под Сталинградом после 125-дневной Сталинградской оборонительной операции, среднесуточные потери самолетов в которой составляли 16–17 машин. Промышленность должна была не только восполнить эти потери, но и создать резервы, необходимые для выполнения боевой авиацией возложенных на неё задач. Руководство завода №1, как и всех других военных заводов, несло ответственность в первую очередь за количество продукции, отправленной на фронт.

Однако ноябрьское задание ГКО по выпуску ИЛ-2 было сорвано, завод недодал 197 машин. В связи с этим 8 декабря 1942 г. появилась докладная записка Управления НКВД в обком ВКП(б) «О причинах срыва программы по выпуску самолета ИЛ-2 заводом №1 НКАП»². В документе говорится об отсутствии должного руководства работой ряда цехов и действенной им помощи, отмечается слабая организация труда и неудовлетворительная производственная дисциплина. В документе указывается, что дирекция завода, достигнув некоторых успехов в сентябре и октябре, успокоилась и не учла назревающих трудностей в работе основных цехов. Как утверждалось, руководители завода, партийной организации и профсоюза, видя назревающую угрозу срыва выполнения задания ГКО, не только не мобили-

зовали рабочий коллектив на ликвидацию прорыва, но даже не уведомили об этом рабочих. В результате с 20 ноября, когда угроза срыва месячного графика стала очевидной, многие начальники цехов вместо борьбы за план стали добиваться его снижения, а когда это не получилось, на заводе неожиданно для рабочих началась штурмовщина, вызвавшая их массовое недовольство. Заместитель начальника Управления НКВД майор госбезопасности Бызов и начальник Безымянского горотдела капитан госбезопасности Коновалов, подписавшие докладную записку, сообщали, что органами госбезопасности установлена преступная антигосударственная практика «протаскивания в облет негодной продукции». Это означало, что директор завода Третьяков, главный инженер Литвинов, начальник производства Скарбов, начальник сборочного цеха Ратнер, начальник отдела технического контроля (ОТК) Голубев и старший военный представитель Францев в сговоре между собой предъявляли военной приёмке самолеты с явными недоделками, работа над устранением которых продолжалась. По существовавшей тогда системе производственных показателей считалось, что самолет, принятый военпредами к испытаниям, из сборочного цеха завода вышел, и его можно было показывать в отчетах как готовую продукцию.

Как видим, в отличие от предыдущего документа появилась более строгая формулировка о преступной практике со стороны конкретных лиц, однако ни о саботаже, ни о других контрреволюционных преступлениях речь по-прежнему не идет. Так же было и в документах других органов государственной безопасности, информирующих о срыве выполнения важнейших оборонных заданий ГКО и СНК СССР. Наиболее типичными причинами этих срывов указывались: перебои в поставках сырья и полуфабрикатов; нехватка электроэнергии, воды и топлива; недостаток рабочей силы; неудовлетворительная организация производства, технического контроля; низкая производственная дисциплина; примиренческое отношение к бракоделам; нехватка автомобильного и железнодорожного транспорта; отсутствие порожних вагонов для отправки готовой продукции; отсутствие ремонтно-механической

¹ См.: Пономарев А.Н. Конструктор С.В. Ильюшин. – М.: Воениздат, 1988. – С. 250–251, 264–265, 269–271; Яковлев А.С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – С. 253–254.

² См.: АСО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 76–78.

базы и т.п.¹ Иными словами, представляя в инстанции информационные материалы по проблемам военной экономики, органы государственной безопасности не заостряли внимание на юридической квалификации фактов. Зачастую это брали на себя сами руководители партийных и государственных органов, нередко по своей инициативе, опережая информацию из органов государственной безопасности.

Так, 26 июля 1941 г. бюро Саратовского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос “О невыполнении решения исполкома областного Совета от 19 июля 1941 года управляющим Саратовской конторой Главстройснаба т. Шилихиным”. Последний, как значится в материалах, отказался от поставки оборудования для изготовления походных авиаремонтных мастерских, к тому же о положении дел ложно информировал наркома строительной промышленности Гинзбурга. Нарком, видимо, и повлиял на позицию бюро обкома партии, которое определило дальнейшую судьбу провинившегося Шилихина, приняв решение: “За саботаж в выполнении оборонного задания из рядов ВКП(б) исключить. Поручить облпрокурору т. Бобрышеву в суточный срок расследовать дело и привлечь за саботаж к уголовной ответственности”².

Другой пример. 12 декабря 1942 г. в повестке дня заседания бюро Новосибирского обкома ВКП(б) первым стоял вопрос “О саботажниках хлебосдачи в Северном районе”. Решили: “Секретаря РК ВКП(б) Мартынова и председателя райисполкома Родионова с работы снять, из партии исключить, арестовать и предать суду военного трибунала как врагов родины, организовавших саботаж хлебосдачи в угоду немецким фашистам”³. Десять дней спустя бюро рассмотрело аналогичный вопрос, но в более мягкой формулировке: “О ходе хлебозаготовок”. Решение было сформулировано

также несколько по-иному: первого секретаря Доволенского РК ВКП(б) Тимошников за саботаж хлебосдачи с работы снять, из партии исключить и арестовать (без указания о немедленном привлечении к уголовной ответственности). К другим районным руководителям, которые в саботаже сдачи хлеба государству провинились, видимо, в большей степени, отношение было более суровым. Это и отразилось в принятом решении: “Поручить Военному трибуналу судить как врагов родины: председателя райисполкома Кремлева, райуполнаркомзага Лункина”⁴.

Процитированные выше формулировки решений бюро обкомов партии примечательны еще и тем, что отражают особенности правового регулирования правоприменительной деятельности. Партийные органы не только дают поручения прокурору, военному трибуналу, но и указывают статью уголовного кодекса, по которой необходимо привлечь конкретных лиц к уголовной ответственности.

На подобные заседания практиковалось приглашение представителей правоприменительных органов. Так, на заседание бюро Новосибирского обкома ВКП(б), на котором рассматривался вопрос “О срыве выполнения решения ГКО от 13 марта 1942 года по погрузке угля Тайгинским отделением движения и Анжеро-Судженским трестом Кузбассугля”, были приглашены: начальник городского отдела (ГО) НКВД Соловьев, начальник дорожно-транспортного отдела (ДТО) НКВД Ефимов, областной прокурор Румянцев и следователь областной прокуратуры Садковский, военный прокурор Саломатов, прокурор Томской железной дороги Степанов – всего 13 человек. В их присутствии решением партийного бюро исключили из партии и отдали под суд заместителя управляющего трестом “Анжероуголь” Колесникова (“за провал в погрузке угля и бездеятельность”) и начальника железнодорожной станции Судженка Семенова (“за очковтирательство и обман государства”)⁵. В данном случае в протоколе не зафиксированы слова о саботаже или ином контрреволюционном преступлении, и, как представляется, это

¹ См.: АФСБ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 238. Л. 6; АСО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 8. Л. 87, 90; Там же. Д. 40. Л. 74, 76; АСвО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 92, 105; АЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 29, 317; Там же. Д. 5. Л. 9, 73; Там же. Д. 6. Л. 141–154.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2275. Л. 204.

³ Там же. Д. 1359. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Оп. 43. Д. 1347. Л. 172.

не случайно. Приняв во внимание состав приглашенных, вряд ли следует сомневаться, о чем говорилось на заседании бюро и по какой статье УК РФСР указали привлечь Колесникова и Семенова к уголовной ответственности. В этом, видимо, и заключена идея созыва расширенного заседания бюро: в такой форме всем приглашенным дали установку не только по данному конкретному вопросу, но и на будущее, чтобы в правоприменительной практике не возникало взаимного недопонимания между начальником УНКВД по Новосибирской области Малининым, который присутствовал на заседании как член бюро обкома ВКП(б), и его подчиненными, с одной стороны, и работниками прокуратуры – с другой. Механизм реализации постановлений ГКО, в который входили партийные и правоприменительные органы, должен был действовать безотказно.

В отличие от партийных органов руководители наркоматов подобных поручений и указаний правоприменительным органам не давали, формулировки в документах не были так безапелляционны. Например, заместитель наркома танковой промышленности Носенко за срыв работ по термообработке деталей приказал снять с работы и уволить с завода начальника цеха завода №112 Командина, а материалы на него “передать следственным органам для привлечения к ответственности по закону военного времени”¹. Несколько месяцев спустя нарком танковой промышленности Зальцман за невыполнение графика работ приказал снять с работы и “отдать под суд по законам военного времени” начальника формовочного цеха Рошалю и сменного мастера формовки Пырина, обязав своего помощника Барохманского оформить передачу материалов в суд немедленно, в день подписания приказа 19 июля 1942 г.² Несмотря на различие формулировок судьба лиц, отданных по суд за срыв важных производственных заданий, мало чем отличалась, всем им грозило привлечение

к ответственности по статье уголовного кодекса о контрреволюционном саботаже.

На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод, что под обвинение в контрреволюционном саботаже нередко попадали те командиры производства, которые, получив дополнительные напряженные задания по выпуску военной продукции, не бросали сразу все силы на их выполнение, не переводили рабочих на казарменное положение, а вместо этого старались избежать произвольно завышенных плановых заданий, не обеспеченных сырьем, материалами, без достаточного количества рабочих соответствующей квалификации и необходимого оборудования. Если руководители заводов пытались опереться на инженерные расчеты и обосновать перед вышестоящими инстанциями нереальность спущенных сверху производственных планов, то вероятность быть репрессированным по указанию или инициативе этих же инстанций значительно возрастала.

Такое положение легко объяснимо, если принять во внимание, что правоприменительная практика по этой статье УК была связана с выполнением важнейших заданий по восстановлению, укреплению и развитию военно-экономического потенциала СССР. В целом наибольшее количество арестов за саботаж было осуществлено: в Казахской ССР – 299, в Новосибирской области – 295, в Киргизской ССР – 237, в Удмуртской АССР – 234, в Кемеровской области – 193, Омской – 167, Молотовской – 146, Саратовской – 146, в Татарской АССР – 142, в Кировской области – 123, в Алтайском крае – 121, в Узбекской ССР – 102, в Тамбовской области – 102, в Коми АССР – 101 и т.д. В других тыловых республиках, краях и областях количество арестованных было менее значительным. В тех республиках, краях и областях, которые подвергались оккупации наибольшее количество арестов за саботаж зафиксировано в УССР – 200, БССР – 87, в Краснодарском крае – 197 и в Ленинградской области – 54³.

Объясняя статистику арестов за контрреволюционный саботаж, следует иметь в виду большую роль так называемого субъективного фактора, который, как отмечалось выше, на-

¹ Приказ № К-474/89 от 30 октября 1941 года (РГАЭ. Ф. 8752. Оп.1. Д. 2. Л. 40).

² См.: Приказ № 330 от 20 июля 1942 года (РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 12. Л. 104).

³ См.: там же.

блюдался при оценке юридических фактов, когда партийные органы в лице членов бюро обкомов ВКП(б) на своих заседаниях квалифицировали невыполнение производственного задания в срок как саботаж и передавали “виновных” в государственном преступлении в правоприменительные органы по сути дела лишь для того, чтобы там оформили уголовное наказание. Если в результате подобного вмешательства производительность труда возрастала, то вместе с этим в партийно-государственных органах росла уверенность в

наличии “злой воли”, которая ранее мешала нормальному развитию производства. Эта уверенность побуждала все шире использовать репрессивные методы для решения производственных задач. Иными словами, борьба с саботажем являлась формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по повышению интенсивности и производительности труда в целях максимального увеличения количества выпускаемой продукции для обеспечения потребности Красной Армии и страны в целом.